

Когда я был маленький, я очень любил ужинать со взрослыми. И моя сестрёнка Леля тоже любила такие ужины не меньше, чем я.

Во-первых, на стол ставилась разнообразная еда. И эта сторона дела нас с Лелей в особенности прельщала.

Во-вторых, взрослые всякий раз рассказывали интересные факты из своей жизни. И это нас с Лелей забавляло.

Конечно, первые разы мы вели себя за столом тихо. Но потом осмелели. Леля стала вмешиваться в разговоры. Тараторила без конца. И я тоже иной раз вставлял свои замечания.

Наши замечания смешили гостей. И мама с папой сначала были даже довольны, что гости видят такой наш ум и такое наше развитие.

Но потом вот что произошло на одном ужине.

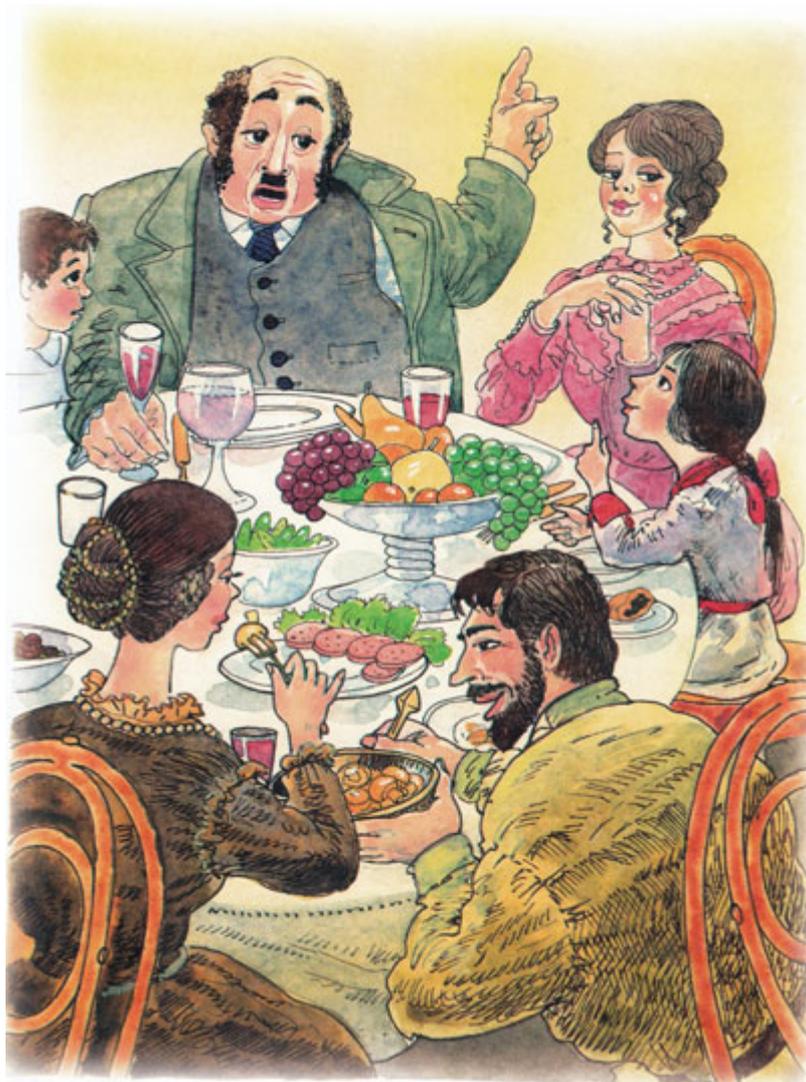
Папин начальник начал рассказывать какую-то невероятную историю о том, как он спас пожарного. Этот пожарный будто бы угорел на пожаре. И папин начальник вытащил его из огня.

Возможно, что был такой факт, но только нам с Лелей этот рассказ не понравился.

И Леля сидела как на иголках. Она вдобавок вспомнила одну историю вроде этой, но только ещё более интересную. И ей поскорее хотелось рассказать эту историю, чтоб её не забыть.

Но папин начальник, как назло, рассказывал крайне медленно. И Леля не могла более терпеть.

Махнув рукой в его сторону, она сказала:

— Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Леля не закончила свою мысль, потому что мама на неё шикнула. И папа на неё строго посмотрел.

Папин начальник покраснел от гнева. Ему неприятно стало, что про его рассказ Леля сказала: «Это что!»

Обратившись к нашим родителям, он сказал:

— Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. И вот я теперь потерял нить моего рассказа. На чём я остановился?

Леля, желая загладить происшествие, сказала:

— Вы остановились на том, как угоревший пожарный сказал вам «мерси».

Но только странно, что он вообще что-нибудь мог сказать, раз он был угоревший и лежал без сознания... Вот у нас одна девочка во дворе...

Леля снова не закончила свои воспоминания, потому что получила от мамы шлепок.

Гости заулыбались. И папин начальник ещё более покраснел от гнева.

Видя, что дело плохо, я решил поправить положение. Я сказал Леле:

— Ничего странного нету в том, что сказал папин начальник. Смотря какие угоревшие, Леля. Другие угоревшие пожарные хотя и лежат в обмороке, но всё-таки они говорить могут. Они бредят. И говорят, сами не зная что. Вот он и сказал — «мерси». А сам, может, хотел сказать — «караул».

Гости засмеялись. А папин начальник, затрясшись от гнева, сказал моим родителям:

— Вы плохо воспитываете ваших детей. Они мне буквально пикнуть не дадут — всё время перебивают глупыми замечаниями.

Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лелю:

— Глядите, вместо того чтобы раскаяться в своём поведении, эта особа снова принялась за еду. Глядите, она даже аппетита не потеряла — кушает за двоих...

— На сердитых воду возят.

Бабушка не расслышала этих слов. Но папин начальник, который сидел рядом с Лелей, принял эти слова на свой счёт.

Он прямо ахнул от удивления, когда это услышал.

Обратившись к нашим родителям, он так сказал:

— Всякий раз, когда я собираюсь к вам в гости и вспоминаю про ваших детей, мне прямо неохота к вам идти.

Папа сказал:

— Ввиду того что дети действительно вели себя крайне развязно и тем самым они не оправдали наших надежд, я запрещаю им с этого дня ужинать со взрослыми. Пусть они допьют свой чай и уходят в свою комнату.

Доев сардинки, мы с Лелей удалились под весёлый смех и шутки гостей.

И с тех пор два месяца не садились вместе со взрослыми.

А спустя два месяца мы с Лелей стали упрашивать нашего отца, чтобы он нам снова разрешил ужинать со взрослыми. И наш отец, который был в тот день в прекрасном настроении, сказал:

— Хорошо, я вам это разрешу, но только я категорически запрещаю вам что-либо говорить за столом. Одно ваше слово, сказанное вслух,— и более вы за стол не сядете.

И вот, в один прекрасный день мы снова за столом, ужинаем со взрослыми.

На этот раз мы сидим тихо и молчаливо. Мы знаем папин характер. Мы знаем, что если мы скажем хоть полслова, наш отец никогда более не разрешит нам есть со взрослыми.

Но от этого запрещения говорить мы с Лелей пока не очень страдаем. Мы с Лелей едим за четверых и между собой пересмеиваемся. Мы считаем, что взрослые даже прогадали, не позволив нам говорить. Наши рты, свободные от разговоров, целиком заняты едой.

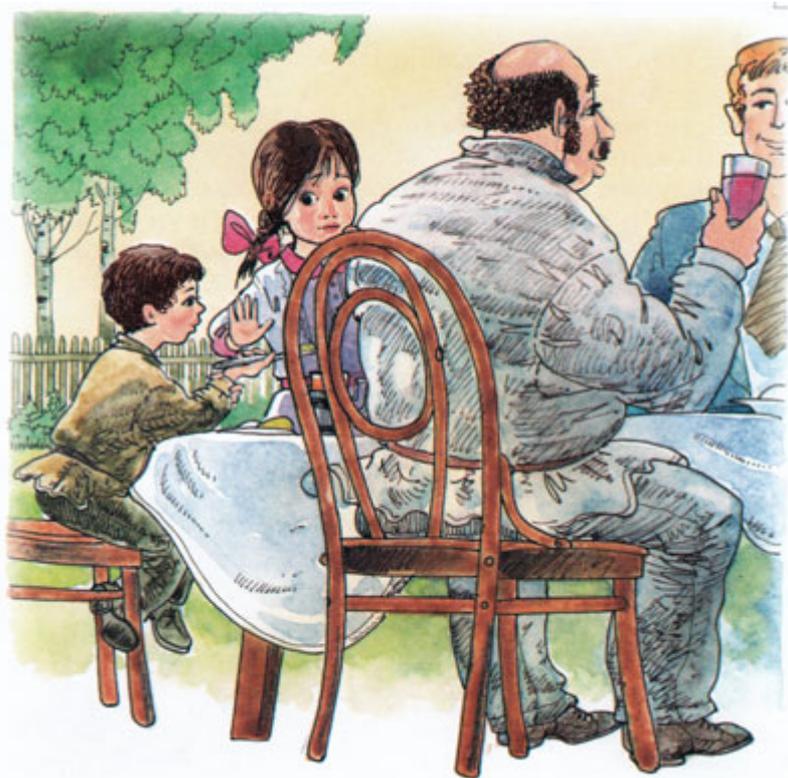
Мы с Лелей съели всё, что возможно, и перешли на сладкое.

Съев сладкое и выпив чай, мы с Лелей решили пройтись по второму кругу — мы решили повторить еду с самого начала, тем более что наша мать, увидав, что на столе почти что чисто, принесла новую еду.

Я взял булку и отрезал кусок масла. А масло было совершенно замёрзшее — его только вынули из-за окна.

Это замёрзшее масло я хотел намазать на булку. Но мне это не удавалось сделать. Оно было как каменное.

И тогда я положил масло на кончик ножа и стал его греть над чаем.

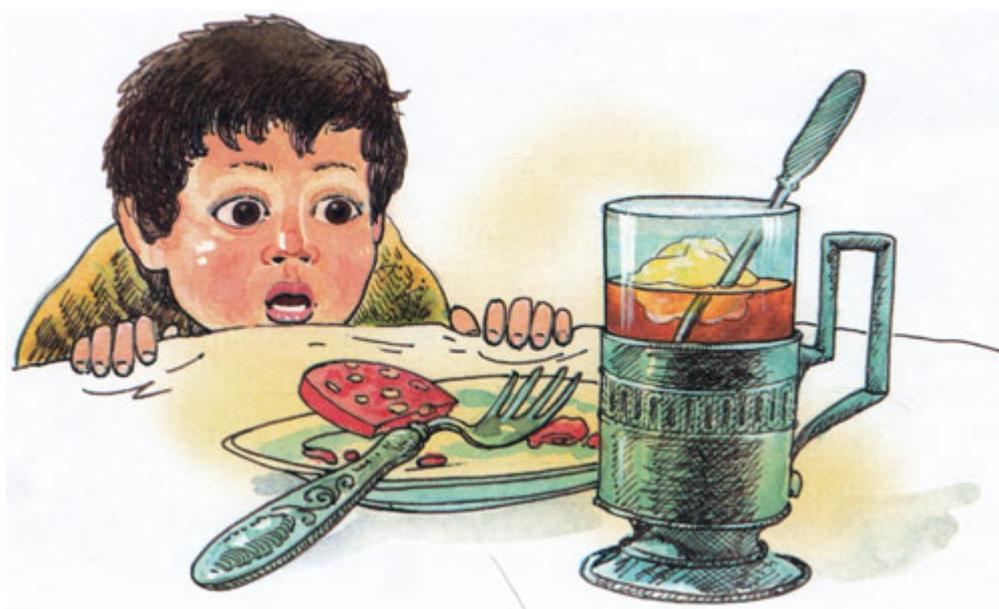

А так как свой чай я давно выпил, то я стал греть это масло над стаканом папиного начальника, с которым я сидел рядом.

Папин начальник что-то рассказывал и не обращал на меня внимания.

Между тем нож согрелся над чаем. Масло немножко подтаяло. Я хотел его намазать на булку и уже стал отводить руку от стакана. Но тут моё масло неожиданно соскользнуло с ножа и упало прямо в чай.

Я обмер от страха.

Я вытаращенными глазами смотрел на масло, которое плюхнулось в горячий чай.

Потом я оглянулся по сторонам. Но никто из гостей не заметил происшествия.

Только одна Леля увидела, что случилось.

Она стала смеяться, поглядывая то на меня, то на стакан с чаем.

Но она ещё больше засмеялась, когда папин начальник, что-то рассказывая, стал ложечкой помешивать свой чай.

Он мешал его долго, так что всё масло растаяло без остатка. И теперь чай был похож на куриный бульон.

Папин начальник взял стакан в руку и стал подносить его к своему рту.

И хотя Леля была чрезвычайно заинтересована, что произойдёт дальше и что будет делать папин начальник, когда он глотнёт эту бурду, но всё-таки она немножко испугалась. И даже уже раскрыла рот, чтобы крикнуть папиному начальнику: «Не пейте!»

Но, посмотрев на папу и вспомнив, что нельзя говорить, смолчала.

И я тоже ничего не сказал. Я только взмахнул руками и, не отрываясь, стал смотреть в рот папиному начальнику.

Между тем папин начальник поднёс стакан к своему рту и сделал большой глоток.

Но тут глаза его стали круглыми от удивления. Он охнул, подпрыгнул на своём стуле, открыл рот и, схватив салфетку, стал кашлять и плевать.

Наши родители спросили его:

— Что с вами произошло?

Папин начальник от испуга не мог ничего произнести.

Он показывал пальцами на свой рот, мычал и не без страха поглядывал на свой стакан.

Тут все присутствующие стали с интересом рассматривать чай, оставшийся в стакане.

Мама, попробовав этот чай, сказала:

— Не бойтесь, тут плавает обыкновенное сливочное масло, которое растопилось в горячем чае.

Папа сказал:

— Да, но интересно знать, как оно попало в чай. Ну-ка, дети, поделитесь с нами вашими наблюдениями.

Получив разрешение говорить, Леля сказала:

— Минька грел масло над стаканом, и оно упало.

Тут Леля, не выдержав, громко засмеялась.

Некоторые из гостей тоже засмеялись. А некоторые с серьёзным и озабоченным видом стали рассматривать свои стаканы.

Папин начальник сказал:

— Ещё спасибо, что они мне в чай масло положили. Они могли бы дёгтю влить. Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы это был дёготь... Ну, эти дети доведут меня до сумасшествия.

Один из гостей сказал:

— Меня другое интересует. Дети видели, что масло упало в чай. Тем не менее они никому не сказали об этом. И допустили выпить такой чай. И вот в чём их главное преступление.

Услышав эти слова, папин начальник воскликнул:

— Ах, в самом деле, гадкие дети, почему вы мне ничего не сказали? Я бы тогда не стал пить этот чай...

Леля, перестав смеяться, сказала:

— Нам папа не велел за столом говорить. Вот поэтому мы ничего не сказали.

Я, вытерев слёзы, пробормотал:

— Ни одного слова нам папа не велел произносить. А то бы мы что-нибудь сказали.

Папа, улыбнувшись, сказал:

— Это не гадкие дети, а глупые. Конечно, с одной стороны, хорошо, что они беспрекословно исполняют приказания. Надо и впредь так же поступать — исполнять приказания и придерживаться правил, которые существуют. Но всё это надо делать с умом. Если б ничего не случилось — у вас была священная обязанность молчать. Масло попало в чай или бабушка забыла закрыть кран у самовара — вам надо крикнуть.

И вместо наказания вы получили бы благодарность. Всё надо делать с учётом изменившейся обстановки. И эти слова вам надо золотыми буквами записать в своём сердце. Иначе получится абсурд.

Мама сказала:

— Или, например, я не велю вам выходить из квартиры. Вдруг пожар. Что же вы, дурацкие дети, так и будете торчать в квартире, пока не сгорите? Наоборот, вам надо выскочить из квартиры и поднять переполох.

Бабушка сказала:

— Или, например, я всем налила по второму стакану чаю. А Леле я не налила. Значит, я поступила правильно?

Тут все, кроме Лели, засмеялись. А папа сказал:

— Вы не совсем правильно поступили, потому что обстановка снова изменилась. Выяснилось, что дети не виноваты. А если и виноваты, то в глупости. Ну, а за глупость наказывать не полагается. Попросим вас, бабушка, налить Леле чаю.

Все гости засмеялись. А мы с Лелей заплодировали.

Но папины слова я, пожалуй, не сразу понял. Зато впоследствии я понял и оценил эти золотые слова.

И этих слов, уважаемые дети, я всегда придерживался во всех случаях жизни. И в личных своих делах. И на войне. И даже, представьте себе, в моей работе.

В моей работе я, например, учился у старых великолепных мастеров. И у меня был большой соблазн писать по тем правилам, по которым они писали.

Но я увидел, что обстановка изменилась. Жизнь и публика уже не те, что были при них. И поэтому я не стал подражать их правилам.

И, может быть, поэтому я принёс людям не так уж много огорчений. И был до некоторой степени счастливым.

Впрочем, ещё в древние времена один мудрый человек (которого вели на казнь) сказал: «Никого нельзя назвать счастливым раньше его смерти».

Это были тоже золотые слова.